

An aerial night view of a futuristic city. A large, illuminated dome structure is prominent in the middle ground, surrounded by a ring of lights. Several tall, modern skyscrapers are visible, some with glowing windows. The city below is densely packed with buildings, and a road with traffic lights is visible in the foreground. The sky is dark with some clouds.

Ян Вершин

Право на выбор

12+

Ян Вершин

Право на выбор

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67370955

SelfPub; 2022

Аннотация

Когда на жизненном пути возникают знаки, не игнорируй их, ведь от того заметишь ты их или нет, напрямую зависит твоя судьба. Лишь сильные духом достойны вечности, прочих ждёт забвение.

Ян Вершин

Право на выбор

1

– Степаныч, она у тебя ещё заводиться? – Голос проходящего соседа по гаражам был весёлым и с издёвкой.

– Не переживай Серёжа, она ещё тебя перебегает. – Виктор Степанович захлопнул крышку капота своего старенького москвича и обтёр руки выдавшей виды ветошью. Ещё не подводил его четыреста двенадцатый с момента покупки в далёком семьдесят четвёртом. Правда, опять запахло разогретым маслом – не иначе сальники потекли, ну да это дело поправимое решил Виктор Степанович и бросив тряпку на полку – где аккуратно в ряд стояли жестяные баночки с винтиками, шурупами и гайками на все случаи жизни, – взял банку со свеженьким ТАД-17.

Закончив с текущим обслуживанием верного коня, Виктор Степанович вышел из гаража и присел на неизвестно кем брошенную и порядком вросшую в землю покрывку. Давно, уже и не вспомнить, кто-то затеял делать клумбу из старой грузовой резины, покрасил её в белые продольные полосы, засыпал полость землёй, да так и бросил.

Денёк выдался на редкость погожим, он запрокинул лицо к весенним лучам солнца и замер, ненадолго, блаженствуя,

оттягивая момент решения накопившихся хлопот. На пенсии их было не так чтоб много, особенно у вдовца, но расада сама себя не посадит, да и на более чем скромной даче дел хватало.

Оторвавшись от раздумий, Виктор Степанович с кряхтением поднялся с потрескавшихся боков покрышки, отряхнул штанину и взявшись за створку правой воротины, потянул на себя, та поддалась с обречённым скрипом не смазанных петель. Левая открылась без скрипа, но низом проскребла раскатанный в колею мелкий гравий. Надо разровнять, мысленно дал себе задание Виктор Степанович и с затаённой гордостью уставился на хромированную решётку своего автомобиля.

Оранжевые бока, заботливо отполированного «Москвича», отражали окружавшие его предметы гаражного быта. Виктор Степанович шагнул внутрь, провёл с любовью пальцами по крылу и вдавив блестящую, толстую кнопку на ручке, открыл водительскую дверь. Сев на сиденье, он левой рукой обхватил переплетённый цветной проволокой руль и повернул ключ зажигания. Машина моментально откликнулась стартёром и заурчала, передавая вибрацию на кузов.

Виктор Степанович достал из кармана спинки кресла чистую ветошь, обтёр круглый шар рычага переключения, торпеду и особенно тщательно приклеенные на торпеду иконки святой троицы. После смерти жены, которая не верила ни в бога, ни в чёрта, он стал чаще захаживать в небольшую церк-

вушку Иоанна Преображенного возле дома и заказывать Со- рокоуст за упокой, для своей неверующей супруги Антони- ны Никифоровны, авось ей там зачтётся.

В таких думах о преждевременно почившей жене, Виктор Степанович выгнал из гаража свой блестящий Москвич, за- пер ворота и не спеша поехал к выходу из гаражного товари- щества «Спутник», иногда махая рукой нечастым знакомым. На шлагбауме, попыхивая в прокуренные жёлтые усы бело- мором, к нему на встречу направился греющийся на сол- нышке сторож и поприветствовав кивком старинного при- ятеля, попытался было завести разговор, но Виктор Степа- нович был не в настроении поддерживать беседу и немного приоткрыв окно, сказал: «Извини Петрович, тороплюсь».

Петрович понимающе кивнул и вернулся на прежнее ме- сто дежурства, где у двери маленького кирпичного доми- ка, – выкрашенного белой известкой и прикрученным к сте- не стендом с крупной и грозной надписью: «Заглуши двига- тель, предъяви пропуск охране», – были две кнопки – откры- тия и закрытия шлагбаума. Нажав одну из них, он с улыбкой козырнул Виктору Степановичу папироской и тот выехал на дорогу, пытаясь влиться в общий поток.

2

Виктор Степанович не понимал своего плохого настрое- ния, утром он проснулся под ласковые лучи солнца и всё бы-

ло отлично. Принимая душ, он даже что-то неразборчиво запел. Без слов, так, весёлое бормотание, ознаменовывающее необычный прилив сил. Сейчас же, чем дальше он отъезжал от гаража, тем муторнее становилось, будто кто-то внутри него подцеплял тончайшие, эфемерные ниточки, отвечающие за душевный настрой и растягивая их до предела – обрывал, наблюдая как они лопаются, издавая печальный, и даже более чем меланхоличный «дзы-ынь».

Мимо, на огромной скорости пронёсся мотоциклист. Его мотоцикл с большими толстыми колёсами и хромированными трубами выхлопа, задранными вверх, вдруг резко перестроился перед москвичом Виктора Степановича, и подмигнув круглым стоп-сигналом, – увеличил и без того высокую скорость, – умчался, скрывшись между рядами. Виктор Степанович неодобрительно покачал головой, поправил кепку, крепче обхватив руль двумя руками и посмотрел на спидометр. Стрелка замерла на цифре шестьдесят, – разрешённая скорость, между прочим, и Виктор Степанович увеличивать её не собирался, пускай обгоняют сколько там кому вздумается. Дорога уходила вправо, плавно вливаясь в Юнтоловское шоссе, от начала которого каких-то тридцать километров до «загородной резиденции», так в шутку они прозвали с покойной супругой Антониной Никифоровной, свой небольшой одноэтажный домик.

Ему очень не хватало её рядом; на соседнем сиденье; их разговоров в дороге, её мягкого голоса и какой-то правиль-

ной жизненной рассудительности что ли, которая ставила всё на свои места. А ещё не хватало касания их рук; она всегда накрывала своей тёплой ладошкой его разбитые артритом пальцы, удерживающие рычаг передач и всё это, придавало органичную целостность в жизни Виктора Степановича. Сейчас он как никогда почувствовал щемящую пустоту внутри, которая чёрной гадью заволакивала память о тех светлых моментах, что они ездили на этой машине, этой дорогой, вместе... Теперь он остался один. Последний дзы-ынь заметался эхом в его пустой душе. Последняя нить была оборвана. Виктор Степанович почувствовал, как мокрая пелена, застилая глаза набухла под веками, готовясь прорваться водопадом и по щеке побежала первая слеза, оставляя влажный след на морщинистой коже. Он рукавом левой руки провёл по глазам влево и вправо и когда стало только хуже, перехватил руки на руле и попытался нащупать за сиденьем чистую ветошь.

Непрекращающиеся гудки клаксонов, словно жужжание разозлённых ос, раздались со всех сторон, в тот момент, когда он на секунду отвлёкся от дороги вытирая так не вовремя нахлынувшие слёзы. Виктор Степанович с замиранием сердца увидел, что машину повело на встречную полосу и он не успевал уйти в свой ряд от надвигающегося грузовика, который «моргал» ему встречным светом и трубно загудел клаксоном. Натужный гул тормозов многотонной машины ознаменовал страшный удар, который пришёлся в переднюю ле-

вую сторону москвича, откидывая его поломанной игрушкой, перекручивая вокруг оси. Ещё удар и ещё, Виктор Степанович чувствовал, как его лицо рассекают осколки битого стекла и руль в радужной оплётке вдавливают до невыносимой боли грудь – перехватывая дыхание; по салону, разлетаясь, брызнули капли крови. Его голову мотало из стороны в сторону и, прежде чем сознание навсегда оставило Виктора Степановича, последняя мысль пронеслась ракетой: «Николай угодник, спаси и сохрани».

3

Виктор Степанович открыл глаза и обнаружил, что лежит в нескольких метрах от своего искорёженного автомобиля. «Пронесло Господи...», – мысли напозлали одна на другую, – «...выбросило из машины», – выстраивая всевозможные комбинации, – «...или вынесли люди добрые», – одна спасительнее другой. Он опёрся руками об асфальт и поднялся на ноги. Как и не было аварии, голова не кружилась, не тошнило, сам вот – целее целого. Если бы не звенящая пустота кругом и смятые будто бумага автомобили, он бы решил, что это наваждение, морок, не с ним это.

Откуда-то стали доноситься слова, словно соседи через стенку ругаются, приглушённые, размытые, но всё же человеческие. Виктор Степанович увидел людей, которые бежали к месту аварии. У каждого в руках, что-то да было, огне-

тушитель, аптечка, один держал длинный лом, который он воткнул в щель двери ближайшего к нему автомобиля, – оттуда раздавался женский плач, – и начал выламывать её, методично раскачивая и налегая всем телом. Другой, перевернув огнетушитель заливал порошком языки пламени, то тут, то там пробивающиеся из-под машины. Третий оттаскивал в сторону чьё-то тело, держа его за подмышки. Четвёртый... Виктор Степанович, с ужасом начал осознавать масштабы аварии, десятки автомобилей попали в страшную мясорубку, где искорёженные остовы автомобилей пленили своих владельцев, и те были не в силах выбраться самостоятельно, а кто-то не выберется уже никогда. И виной этому всему – был он.

Виктор Степанович закрыл от стыда лицо руками, но... больше по привычке – стыда он не чувствовал. Не было вообще ничего. Ни вины, ни раскаяния. Сплошное умиротворение, наверное, так себя ощущают террористы или маньяки, совершившие нечто ужасное. Но ведь он – не они!

Или он как они... Поддавшись абстрактным представлениям, он разрушил жизнь десятков людей за минуту.

Виктор Степанович медленно подошёл к ближайшей груде железа и положив руку на выгнутую дверь, заглянул внутрь. Там, поломанной куклой лежало тело, запрокинув набок голову оно смотрело остекленевшими глазами на торпеду, где были приклеены иконки с ликами святых. Слетевшая с головы кепка, обнажала седую проредь и бледную, в

старческих пятен, макушку. Лицо застилали пятна крови, – которые капали на почему-то знакомую велюровую куртку, впитываясь и засыхая на ней бурыми пятнами. Руль, проломив грудную клетку, удерживал тело от заваливания на бок, и застыв в этом положении оно напоминало растрёпанное пугало.

Виктор Степанович распрямылся и посмотрел в даль. Грузовик, который его протаранил перевернулся на бок, уткнувшись кабиной в кювет продолжая по инерции крутить задними колёсами, и только белый покорёженный кунг возвышался над трассой. Люди сновали как мураши, вокруг расплющенных, изувеченных автомобилей, кого-то вытаскивая и укладывая на асфальт, кого-то перевязывая, а кому-то просто закрывая смотрящие в никуда глаза.

Мир вокруг медленно стал наполняться объёмом, проявляя небывалую чёткость, хотелось зажмуриться, закрыть уши ладонями и закричать от невыносимой резкости проступивших граней. До него только сейчас в полной мере начало доходить, что тот труп в оранжевом москвиче, рассматривающий пустоту стеклянными глазами – это он сам, и люди, пробегающие мимо, пробегали сквозь него, как сквозь призрачное облако.

Призрачное... Призрач... Нет, нет, нет, *этого не может быть*. Он осмотрел себя и только сейчас обратил внимание, что его одежда, кожа рук, да и весь он сам, неуловимо переливаются, поблёскивая всполохами светящихся точек, слов-

но к нему прилипла мельчайшая золотая пудра, отбрасывающая блики от случайно попавших лучей света.

И тут, окружающие звуки донеслись до него чётко и явно, будто он вынырнул с глубины. Мир стал настоящим как прежде, наполнился воем сирен пожарных автомобилей, карет скорой помощи, чьих-то стонов и запахом жжённых покрышек вперемешку с вытекшим машинным маслом. Нелепо вертя головой, словно маленький мальчишка, впервые попавший в магазин игрушек, Виктор Степанович обнаружил ещё одно удивительное чудо. Из груди покойников, – которых складывали вдоль обочины, – стало зарождаться свечение, робко скручиваясь между собой в тончайшие жгутики света, оно начало расти вверх как стебель растения и поднявшись примерно на метр рост прекращался, набухая пульсирующим навершием, которое раскрывшись подобно лепесткам явило перед изумлённым Виктором Степановичем знак, в котором он узнал звезду Давида.

Он перевёл взгляд на своё обезображенное тело и обнаружил точно такую же пульсирующую нить света, которая, выходя где-то в районе шеи поднималась строго вертикально, сквозь измятую крышу машины и навершием этой нити был медленно вращающийся православный крест.

4

Рядом с телами у обочин, стояли такие же, как и он, пе-

реливающиеся неуловимыми блёстками сущности. Виктор Степанович назвал бы их «душами», но уж больно они не походили с виду под стереотипные представления христиан, хотя, для простоты восприятия в его понимании – пусть так и будет, чего уж там. Растерянные и озадаченные, они смотрели на себя и молчали. Кто-то, присев на корточки, разглядывал бывшее вместилище, а кто-то подходил к снующим вокруг людям и пытался с ними заговорить, но живые их не слышали и не видели, проходя сквозь призрачные тела спешили помочь тем, кому ещё было возможно.

Виктор Степанович, подошёл к ближайшей «душе» и увидел вращающийся над её лежащим телом, знак звезды с полумесяцем. Она повернулась к нему, оказавшись женщиной восточного происхождения с платком на голове, указав пальцем на своё окровавленное тело она с грустью произнесла:

– Как всё просто оказывается, да? А что дальше?

– Я не знаю. – Виктор Степанович растерянно развёл руки. – Об этом нигде толком не сказано. Кому-то мерещатся туннели, в кино возносятся к свету, кто-то ждёт ангелов, но теперь...

– Ну, одно мы теперь знаем наверняка, что это ещё не конец, правда? – Она заглянула ему в глаза, пытаясь найти одобрение своих слов.

– Пожалуй. – Согласился Виктор Степанович и утешительно дотронувшись до её плеча, двинулся дальше. Женщина перевела взгляд обратно к лежащему на асфальте перело-

манному телу и замерла, обдумывая что-то.

Умиротворённость. Именно так можно было охарактеризовать происходящее с душами вокруг. Лично, Виктор Степанович ничуть не был озабочен случившимся. Да и никто, из новоявленных душ, не рыдал в голос над своим телом, не причитал заламывая руки и, – что немаловажно для него персонально, – не бросался на Виктора Степановича с упрёками о его виновности в произошедшем. Не высказывали изпод земли бесы и не цепляли его вилами бросая на сковороду за грехи, которые были в его жизни. Пронизывающее, бесконечное чувство спокойствия поселилось в «душе», которой он стал в буквальном смысле. Но, заговорившая с ним женщина справедливо спросила: «А что дальше?»

Но у Виктора Степановича не было ответов, как и не было их и у христианства, в которое он верил всю свою жизнь, не ортодоксально, но всё же. Он так и ходил бы как другие неприкаянные, безразлично наблюдая чужое горе – как вдруг, произошло нечто необъяснимое. Не с ним, но вокруг. Мир потерял привычный вид и оптически рассинхронизировался, превратившись на несколько секунд в бифокальный сюр. Одновременно с изменениями, со всех сторон прозвучал звук громогласного горна, – такие знамения, он слышал только в фильмах и обычно ничего хорошего они не предвещали, – и Виктор Степанович стал озираться в поисках источника надвигающихся неприятностей.

Обнаружил он их буквально рядом; на простирающем-

ся вдоль обочины поле, появились стоящие на одинаковом расстоянии друг от друга три гигантские двери, в наверхи каждой, медленно и величаво вращались уже виденные им на трупах религиозные символы: Православный крест, звезда Давида и магометанская звезда с полумесяцем. Более очевидного приглашения, Виктору Степановичу было бы трудно представить. Души организованно стали собираться вдоль обочины, показывая на артефакты руками и переговариваясь в пол голоса. Виктор Степанович тоже подошёл ближе и прислушался к разговорам.

– ...Очевидно нам нужно идти в эти двери, каждому в ту, религию которой он исповедует. – Мужчина лет тридцати, держал за руку юную девочку и говорил это молодой женщине, стоящей с ними рядом. – Только, не очень понятно, пропускают вместе или по одному?

– Давид, только не оставляй нас тут одних. – Женщина посмотрела на него и тоже взяла за руку девочку.

– Ну, что ты Сара, зайдём все вместе, а там будь, что будет. – Он с нежностью погладил по голове дочь и протянул руку жене.

– ... «Смерть – это дверь. В которую войдёт каждый». Как это символично. – Прошептала встреченная им ранее женщина в платке.

– «Ля иляха илляллах», сестра. – Сказал пожилой мужчина рядом с ней, и поднеся руки к лицу сделал сухое омоложение. – Нам пора на встречу с всевышним...

Души сбились в группы по вероисповеданию и гуськом двинулись каждый к своей двери. «Спаси и сохрани господь, душу мою грешную» – промолвил Виктор Степанович и осенив себя крестным знаменем двинулся следом за уходящими христианами. Лишь одна молодая девушка не последовала за всеми. Она так и осталась стоять у обочины незамеченная остальными, провожая взглядом уходящих.

Подходя к двери, которая отделяла мир живых и... толком уже и не разберёшь, что там за другой такой мир; Виктор Степанович остановился возле неё в благоговении, предполагая, что перед дверью образуется своеобразная очередь, но люди заходили без задержки кто по одному, а кто и семьями, не было никаких ограничений, а потому он стоял последним возле христианской двери и любопытство взяло верх. Он обошёл дверь вокруг и крайне поразился, когда она исчезла, превращаясь с торцов в настолько тонкую пластину, будто состояла из бумаги микронной толщины. Но когда он продолжал движение и смотрел на неё под углом или прямо, дверь вновь обретала объём и массивность, поражая мельчайшей структурной детализацией.

На двери с одной стороны присутствовала массивная латунная ручка, поворачивая которую до него, заходили предшественники. Виктор Степанович оглянулся в последний раз на дорогу, – там эвакуаторы расчищали путь, а «скорые» включив мигалки увозили чудом выживших, – взялся за холодный металл и повернул рукоять. Раздался щелчок, и он

потянул дверь на себя. Мягкий, не раздражающий глаза свет заструился из образовавшейся щели, за ним не было видно ничего и шагнув в это белесое марево, всё ещё сомневаясь, Виктор Степанович захлопнул за собой дверь изнутри.

5

Сделав несколько шагов вперёд, Виктор Степанович с удивлением резко остановился, услышав знакомый голос и последовавший за ним натужный кашель заядлого курильщика.

– Проходи, проходи. Не стесняйся, как говориться. Присаживайся, не стой колом.

Разливающийся вокруг свет стал тускнеть и проявившиеся очертания, открыли удивительную картину. Перед Виктором Степановичем развалившись в мягком кресле, цвета слоновой кости, сидел не кто иной, как Петрович... Сторож из гаражного кооператива.

– Ну, что замер то? Привидение увидел? – Петрович видимо оценив собственный каламбур, разразился хриплым хохотом и припечатав себя рукой по коленке указал зажатой между пальцами беломориной, на стоявшее напротив идентичное кресло.

– Но, как это возможно? Ты же... – Виктор Степанович медленно опустился в кресло и оглянувшись назад увидел дверь, через которую вошёл. Только с этой стороны она была

белого цвета, остальное пространство вокруг скрывалось за клубящимся туманом, который бился о границу невидимого пузыря, в котором они находились.

– Да, да, я тот самый Петрович, или немножко не тот самый... Не так важно, в сущности, кто я. Для меня важно кто ты, а точнее – кем ты стал, понимаешь? – Петрович смачно затянулся папироской и выпустил вверх клуб дыма. – Тысячи лет, я наблюдаю за вами и отбираю среди людей достойных, пытливых, смелых, не боящихся новых открытий, вершащих свою судьбу так, как видят сами. Но, их слишком и слишком мало. Большинство людей предпочитают использовать духовные костыли, вместо того, чтоб заглянуть за штору и увидеть бесконечность, которую я приготовил для них. Увы, но пройдя через эту дверь, – Петрович снова указал папиросой за спину Виктора Степановича, – ты сделал окончательный выбор.

– Я не очень понимаю... – Промямлил Виктор Петрович и посмотрел на бывшего сторожа, ставшего... Кем? Богом? Дьяволом?

– Мало кто понимает. Впрочем, тебе уже и не нужно. Тот, кто сомневается, ищет свою дверь и обязательно её находит. Ты в свою вошёл. Ваша жизнь полностью в ваших руках, со всей ответственностью выбора в ней.

– Кто же ты такой?

– В твоём понимании, пожалуй, что и бог. Творец мира и всего сущего в нём, если угодно. – Петрович задорно под-

мигнул Виктору Степановичу и на мгновение у него над головой вспыхнул и погас нимб.

– И что теперь, зачем мы здесь? Ты будешь судить меня и если...

– Никаких если и судилищ. Твоя судьба уже решена и закончится здесь. Не будет ни райских кущ, ни бессмертия души, ни прочих ваших бесконечных земных гаданий о вечности, – которую такие как ты пропустили промеж пальцев словно песок.

– Тогда зачем... – Виктор Степанович неопределённо махнул рукой пытаясь подобрать нужное слово.

– ...Зачем этот спектакль? – Существо, выглядевшее как Петрович и говорившее как он, задумчиво посмотрело куда-то в даль и грустно улыбнувшись сказало. – Считай это моей последней исповедью, и твоим покаянием. Признанием своей ошибки. Моей скорбью об утрате новой надежды. Подарив вам бесконечную вселенную, я заложил в неё свой свет мудрости, – а в вас стремление к жизни и жажду познания, – я дал вам свободу воли и право выбора. Но вы упорно не замечаете моих знаков, они на каждом шагу, но из раза в раз люди находят себе утешение в придуманных заблуждениях, что ещё хуже, в придуманных вами богах и суевериях. Отрицая суть того, что вы сами есть Альфа и Омега, как и непреложность того, что всё сущее в этом мире подчинено лишь одной идее: вы – есть я, как и я – есть вы. Все ключи перед глазами, все замки в ваших руках, нужно то было все-

го лишь, захотеть это понять...

Петрович замолчал, по его щекам текли слёзы. Виктор Степанович поднял свой обречённый взгляд и заглянул тому в глаза. На мгновение, бесконечная мудрость угасающим проблеском ошеломила его сознание. До него начало доходить, что существо перед ним не примет никаких оправданий, что единственным спасением могла послужить лишь чистота жизненного пути, отречённая от навязанных представлений заблудших пророков и всевозможных мессий. Что единственным спасением был лишь его незамутнённый разум, помноженный на жажду жизни. Но было уже поздно, и слепая ярость в мгновение заполонила сознание Виктора Степановича, заставляя выплюнуть последние слова вперемешку с всепоглощающей злобой.

– Но ведь ты сам дал нам это право выбора! – Заорал он в бешенстве и вскочив с кресла бросился на жестокого бога.

Демииург с грустью, в бесщётный раз посмотрел на разлетающиеся и тут же истаивающие хлопья сгоревшей в приступе ненависти материи, – всё что осталось от бессмертной сущности Виктора Степановича, – и тихо прошептал:

– Да... Дал... Но право быть самими собой.

08.11.2020